

КОНСТАНТЫ, КОНЦЕПТЫ И УНИВЕРСАЛИИ КУЛЬТУРЫ: К ВОПРОСУ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЙ

Р.Г. Костина, кандидат философских наук.

Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева

Исследованы вопросы возникновения понятия «константа» в проблематике культурного поля осмысления, специфика констант в гуманитарных науках, а также взаимосвязь константы с понятиями «универсалия» и «концепт».

Ключевые слова: константа, универсалия, концепт, культура

CONSTANTS, CONCEPTS AND UNIVERSALS OF CULTURE: THE QUESTION OF INTERPRETATION OF DEFINITIONS

R.G. Kostina. Mordovian state pedagogical institute named after M.E. Evseviev

Article is devoted to the questions of the origin of the term «constant» in the issue of the cultural area of reflection, the specifics of the constants in the humanities as well as interaction of the one with the definitions of «universal» and «concept».

Keywords: constant, universal, concept, culture

В начале XXI в. господство в личностном сознании ценностей культуры постмодерна с присущим ей преобладанием эклектичности и поливариантности морально-нравственных систем привело к тому, что ученые и многие передовые умы эпохи начали осознавать необходимость признания определяющей роли социокультурных констант в общественном развитии. В условиях систем, перестающих иметь четкие и обоснованные социальные и культурные идеалы в качестве вечных констант, человек лишается смысла своего бытия в мире [1]. В «Словаре иностранных слов» «константа» (от лат. constans (constantis) – постоянная) означает – постоянная величина [2, с. 253].

В мире нет абсолютно закрытых систем, равно как абсолютно открытых. Система как комплекс взаимодействующих и взаимосвязанных между собой элементов всегда имеет связь с внешней средой. Общество является открытой системой со сложным комплексом отношений, подверженных многим изменениям. Но его устойчивость всегда регулируется и поддерживается постоянством элементов внутренней среды. Современная наука даже вводит следующее понятие, являющееся законом устойчивого и прогрессивно развивающегося общества, – положительный синергетизм. То есть любая социальная система прогрессирует за счет однонаправленных продуктивных действий всех ее членов, что не суммирует, а преумножает конечный эффект действий. Однако мультипликативность (преумножение) как закон работает тогда, когда у всех членов общества, находящихся в неизбежных системных взаимодействиях, высока общая культура и мораль.

К сожалению, нет практического обоснования положительного синергетизма, но на его основе мы вводим гипотезу, что существуют константы – несомненные социокультурные концепции, обуславливающие мультипликативность в положительном синергетизме. Предпосылки и истоки поисков констант уходят в античную культуру, в культуру древневосточных цивилизаций. Еще в рамках древних цивилизаций осмысливался изменчивый характер культуры. Однако люди понимали, что существуют некоторые основополагающие принципы, которые продолжительный период времени обеспечивали стабильность бытия и выживание общества. Первые попытки осмысления постоянных основ социальной жизни встречаются у Гераклита, Парменида, Платона, стоиков, гностиков. Хотя культурным, познавательным актом на этом пути можно считать описание

в древнегреческой мифологии победы Зевса и богов над титаном Кроносом. По смыслу это означает победу познаваемого, постоянного, упорядоченного над мифическим временным, непознанным и хаотическим. Такой подход рождает уверенность в существовании определенных постоянных – констант.

Научное исследование констант начинается в рамках естественных наук. Термин «константа» рожден в рамках математических наук и выражает определенную постоянную величину в ряде меняющихся. Можно выделить большое количество констант физики (допустим, всем известное число π (3,14...), получаемое в результате деления длины окружности на радиус. Общеизвестно, что Пифагор развивал идею гармонии и распространял ее на весь космический порядок. В эпоху Возрождения Леонардо да Винчи вывел константу, характерную уже для творений человека – «золотое сечение», математически выразив в виде дроби $AB/AC = BC/AB = 0,618...$ [3, с. 27]. Акчурин И.А. пишет о «...фундаментальной мировой постоянной – так называемой «постоянной тонкой структуры, равной всего 1/137» [4, с. 9–10]. Систему мировых констант А. Эддингтон определяет как проявление самостоятельности бытия «... идеальных математических форм, выражающих гармонию природы и ее законов» [5].

Открытие и изучение констант также происходит в рамках наук, изучающих проблемы жизни. Например, если анализировать общий механизм констант живого, то «практически все характеристики внутренней среды (константы) организма непрерывно колеблются относительно средних уровней, оптимальных для протекания устойчивого обмена веществ... Допустимый диапазон колебаний для разных констант различен. Незначительные отклонения одних констант могут приводить к существенным нарушениям обменных процессов – это так называемые жесткие константы» [6]. От социокультурных констант во многом зависят различные области жизни человека и общества (демография, политика, духовная жизнь и т.д.).

Общеизвестно, что все жизненные процессы организма направлены на поддержание постоянства (констант) условий жизни во внутренней среде этого организма. Так называемый гомеостаз является относительно динамическим постоянством внутренней среды и устойчивости физиологических функций организма. Основным механизмом поддержания гомеостаза является саморегуляция организма, которая представляет собой такой вариант управления всеми процессами организма, при котором отклонение определенной физиологической функции, или в определенном смысле константы, внутренней среды от нормального уровня, обеспечивающего устойчивую жизнедеятельность, становится причиной возвращения этой функции (константы) к исходному уровню.

В ходе эволюции естественный отбор живых организмов выявил общие механизмы управления процессами адаптации к среде обитания (эндокринные, нейрогуморальные, иммунологические и др.), которые обеспечивают относительное постоянство внутренней системы [6]. У человека гомеостатические механизмы достигли наивысшего совершенства и встречаются не только в процессах физиологического существования, но и в духовной жизни, культуре. Они изучаются не только естественными науками, но и гуманитарными и применяются как по отношению к функционированию внутреннего мира живых организмов, так и к внутреннему духовному миру человека, обществу и культуре.

В гуманитарной сфере упоминание констант происходит редко. Первую попытку объяснить термин «константа» в контексте культуры предпринял Г.В. Лейбниц. В своих трудах он «... не использует понятия «константа», однако утверждаемые им врожденные понятия-принципы, по сути, выступают в этом качестве» [7, с. 7].

В своих трудах («Опыт о человеческом разумении» (1690) и др.) мыслитель противопоставил свою философию взглядам Дж. Локка, который считал, что сознание изначально – чистая, неисписанная доска (*tabula rasa* от лат. – чистая доска), как и у всех сенсуалистов душа до всякого опыта. Только приобретение опыта приводит к тому, что оно получает свое содержание, названное Локком «идеями». Опыт не есть внешнее восприятие или ощущение, а также и не внутреннее самонаблюдение или рефлексия, у всех людей

и социальных групп он различен. Напротив, Г.В. Лейбниц считает, что «... Если можно сказать о каком-нибудь отдельном предложении, что оно врожденное, то можно будет утверждать на том же основании, что все предложения, которые разумны и которые дух мог бы считать таковыми, уже заключены в душе» [8, с. 78].

Одним из первых термин «константа» к культуре применил французский ученый, историк средневековой схоластики Этьен Анри Жильсон (1884–1978). Будучи профессором в Сорбонне, он в 1929 г. при университете Торонто создал институт «Pontifical d'Etudes Medievales». Исследуя западноевропейскую средневековую философию, он дал оценку схоластической философии Ф. Аквинского как «вечной», где раскрываются практически все проблемы бытия. Он ратовал за возрождение «вечной философии» томизма в контексте современной эпохи и в этом видел путь достижения гармонии между наукой и религией, философией и верой, так как для ученого истины философии и богословия равнозначны. Ученый замечает: «... для средневекового мыслителя государство находится в том же отношении к Церкви, в каком философия находится к теологии, а природа – к благодати» [9, с. 192].

Работа Э. Жильсона «Дух средневековой философии» («L'esprit de la philosophie medievale», 1932) не только воскрешает дух средневековья, возвышая учения Ф. Аквинского, А. Августина, Бонавентуры (Джованни Фиданца), Б. Клервоского, Д. Скота и др. теологов, но и придает ему новый импульс в рамках современной философской мысли и культуры. В работе «Лингвистика и философия. Эссе о философских константах языка» он определяет основные константы средневековой культуры и старается их применить для современности. В данном случае очевидно, что Э. Жильсон представляет такое культурное течение, как аджорнаменто (с итал. *aggiornamento* – «осовременивание, приведение в соответствие с настоящим»). Его действия были направлены на адаптацию католичества к новым жизненным реалиям через ассимиляцию новых философских идей. В ходе этого процесса он использует термин «константа» в качестве определенного постоянного.

В своем труде «Философия в средние века: от истоков патристики до конца XIV века» Э.А. Жильсон отмечает, что в период средневековья теологам «... не составляло труда установить константу, определяющую их позицию по всей совокупности относящихся сюда вопросов». Далее ученый замечает, что «каждый средневековый мыслитель – особая индивидуальность и его позиция характеризуется специфическими нюансами, которые историк обязан учитывать». Это означает, что Э.А. Жильсон признавал не только наличие констант в рамках средневековой культуры, но и их индивидуализацию в конкретных формах и выражениях, характеризующихся специфическими нюансами. Наличие констант он раскрывал в трудах отдельных мыслителей и утверждал идею о распространении их на всю культуру [9, с. 192].

В русской философии среди мыслителей, писавших о константах, можно назвать В.С. Соловьева. Он не употребляет слова «константа», но в работе «Оправдание добра» размышляет о том, что постоянные категории всегда присутствуют в обществе: «... нет и не было такого людского племени, которое не придавало бы своему понятию добра (каково бы оно ни было) значения постоянной и всеобщей нормы и идеала» [10, с. 95].

Следует провести границу между константами естественных наук и социокультурными. Для этого обратимся к труду представителя «философии жизни» Г. Зиммелю, который, анализируя вопросы философии истории, размышляет об учении Гете о профеномене как прообразе и считает, что, так как философия Гете воспринимает мир как организм, преодолевающий «риффы своего прежнего пантеизма следующим образом: абсолютное единство есть нечто совершенно недифференцированное, бесформенное, вечно неизменное; так же как множество органов, расходящееся в различных ответвлениях развитие живого существа, не противоречит его единству, а соответствует ему, и живой мир может быть многообразно сформированным, бесконечно дифференцированным и все-таки единым, в себе неразделенным и неразделимым» [11, с. 260]. В работе «К социологии религии» Г. Зиммель, анализируя ход истории, приходит к мнению, что, несмотря на «текучесть» истории, ее ход не меняется, так как «... отдельное содержание способно сохранить свой

неизменный сущностный состав в череде сменяющих одна другую форм» [11, с. 617]. Константы естественных наук обычно математически отражают фундаментальные закономерности объективной реальности в качестве выражения строения и функционирования материи.

Как отмечает П.А. Сорокин: «Каждая из больших культурных систем и суперсистем зиждется на какой-то основной предпосылке, получившей выражение в философском принципе, прасимволе или конечной ценности, который цивилизация порождает, развивает и реализует на протяжении своего жизненного пути во всех своих основных компонентах или подсистемах» [12, с. 48].

Эту же идею в работе «Столкновение цивилизаций» поддерживает С. Хантингтон: «Если люди в течение истории разделяли некоторые фундаментальные ценности и институты, то их можно определить как определенные константы в человеческом поведении...» [13, с. 74]. Можно заметить, что американский ученый в качестве констант понимает фундаментальные ценности и институты, то есть признает любой существенный аспект системного развития общества в качестве констант. Таким образом, в течение всей истории исследователи в рамках культур выделяли традиции, исходя из определенных устойчивых, точнее константных характеристик, считая их неизменными на протяжении всего локального цивилизационного процесса.

Понятие «константа культуры» рассматривает другой отечественный ученый С.В. Лурье, которая считает, что человек действует в мире через определенный комплекс культурных констант. Для С.В. Лурье константа культуры – «... та призма, сквозь которую человек смотрит на мир, в котором должен действовать. Основные парадигмы, определяющие возможность и условия действия человека в мире, вокруг которых выстраивается в его сознании вся структура бытия» [14, с. 11].

Можно согласиться с мнением С.В. Лурье, что константы культуры подталкивают человека на совершение того или иного действия, во многом «... предопределяют наше восприятие мира». Особенность констант культуры состоит в том, что они трудно поддаются анализу и объяснению, так как «... всплывают лишь в виде представлений по поводу каких-то определенных проблем или объектов, то есть в форме максимально конкретизированной». Значит, выделить некую закономерность или шаблон их проявления невозможно. Константы реализуются в повседневной жизни совершенно в различных формах, аспектах, актах. Исходя из вышесказанного, С.В. Лурье определяет константу культуры как «... первичную формализованную модель действительности, ... модель действия сообщества людей ... в мире» [14, с. 11].

Необходимо акцентировать внимание на том аспекте, что константы социальной культуры исходят от единственного субъекта и творца культуры – человека. Следовательно, они относятся к сфере действий человека, и, значит, во многом зависят от отношения субъекта действия к мирозданию. Наш мир устроен не как числовая пропорция элементов, а как процесс социокультурного развития внутреннего мира. Социокультурные константы, с одной стороны, активизируют наши действия по отношению к внешнему миру, а с другой – определяют наше мировосприятие. Отметим, что социокультурные константы, как правило, не осознаются человеком. Они инструмент упорядочения и систематизации опыта, полученного из окружающего мира. Любое действие человека, превращаясь в артефакт культуры, обязательно должно вписываться в общие процессы бытия общества, и поэтому его значимость раскрывается лишь в границах логики данной культуры и общества.

В этом контексте особое научное значение для нас обретают идеи Ю.С. Степанова, который термину «константа» придает значение фундаментального, основополагающего постоянного принципа культуры, на основе которого держится культура и менталитет народа, строится алфавит языка [15, с. 13]. В основе учения Ю.С. Степанова о константах культуры лежит концептный подход. Слово «концепт» (conceptus) с латинского переводится как «понятие». Практически все исследователи данного явления отмечают связь концепта с понятием, но каждый из них по-своему соотносит их. В монографии «Философия познания.

Проблемы эпистемологии гуманитарного знания», в главе «Язык в философии познания: «как опыт мира» и «горизонт онтологии»» Л.А. Микешина исследует соотношение концепта с понятием и, анализируя работы исследователей, освещавших эту тему, приходит к выводу, что В. Дильтей, С.С. Неретина, Г.Г. Шпет объединяют концепт с понятием, считая их идентичными, а А. Вежбицкая, Р. Павиленис, Ю.С. Степанов различают их [16, с. 460].

В рамках когнитивной лингвистики В.А. Маслова полагает, что концепт – это не что иное, как явление, которое «появилось в глубокой древности и прослеживается через взгляды мыслителей, писателей и рядовых носителей языка вплоть до наших дней». Устойчивый концепт, наблюдающийся в человеческой культуре долгое время, она именует «константа культуры» [17, с. 16].

Далее она углубляет смысл понятия «концепт»: «По своей внутренней форме в русском языке слова «концепт» и «понятие» одинаковы: концепт является калькой с латинского *conceptus* «понятие» от глагола «зачинать», то есть буквально «понятие, зачатие». Однако сейчас стали достаточно четко дифференцировать термины «понятие» и «концепт», ибо это хотя и однопорядковые, но не равнозначные определения. Если понятие – это совокупность познанных существенных признаков объекта, то концепт – ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом выражения – совокупность языковых средств (лексические, фразеологические, паремиологические и др.). Концепты – это не любые понятия, а лишь наиболее сложные и важные из них, без которых трудно себе представить данную культуру» [17, с. 27].

Концепт также рассматривают Ж. Делёз и Ф. Гваттари – представители постмодернистской философии. Для них «концепт как собственно философское творение всегда есть нечто единичное» [18]. Другая точка зрения может быть проиллюстрирована работами С.С. Неретиной. Исследователь считает, что «понятие» существует объективно и не имеет зависимости от общения, а может соотноситься с планом языка. «Концепт» имеет субъективную сущность, формируется в пространстве культуры и речи, обращается к другому – читателю или слушателю.

В «Новейшем философском словаре» концепт раскрывается как «содержание понятия, его смысловая наполненность в отвлечении от конкретно-языковой формы его выражения» [19, с. 503]. Такая трактовка концепта раскрывает его как «внутреннюю форму» понятия, представляющую собой область рационального знания, и носит в себе однозначный смысл.

Согласно Д.С. Лихачеву, Е.С. Кубряковой, концепт не вытекает из внутреннего значения слова, а формируется как результат при сравнении личного опыта или народного опыта со значением слова, то есть концепт выступает в качестве посредника между словом и действительностью. Для Е.С. Кубряковой концепт по принципу контейнера выступает одним из основных принципов человеческого познания. Она называет его принципом обратимости позиции наблюдателя и считает, что при рассмотрении любого объекта, при определении его перспективы в мире позиция наблюдателя может измениться на противоположную. Отметим и следующую особенность концептов: они идеальные ассоциативные понятия, возникающие внутри своих форм – констант.

В контексте сказанного можно выделить константы западноевропейской и русской культур. В западноевропейской культуре мы выделяем разум, свободу, гуманизм, волю, а в русской культуре – такие константы, как добро, справедливость, красота, правда, удаль, соборность. Стоит отметить, что в русской культуре имеется в виду не индивидуальная любовь, а любовь вселенская, общечеловеческая, как «... стремление к спасению человечества» [20, с. 48].

Академик Ю.С. Степанов систематизирует взаимоотношение фундаментальных понятий «константа» и «концепт» культуры, всю культуру он понимает как совокупность констант и концептов. В работе «Константы: словарь русской культуры», применяя концептный подход, он дает определение, связующее константы и концепта: «Константа в культуре – это концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое

время» и далее определяет иерархическую границу между этими понятиями [21, с. 84]. Под концептом он понимает основную ячейку ментального мира человека или «... сгусток культуры в сознании человека». Концепт «... это весь набор ассоциаций, представлений, идей и т.п., которые возникают у носителя данной культуры при использовании слова», имеющего в языке предметное значение. Согласно Ю.С. Степанову, отличает концепты от понятий то, что они не только мыслятся, но и переживаются [21, с. 43]. Ницше Ф. считал, что мы ничего не сможем познать с помощью концептов, если сначала сами их не сотворим в своем воображении, то есть не сконструируем их как продукт нашего собственного переживания [22, с. 69]. Концепт, на наш взгляд, – это то переменное, через которое понимается и формируется постоянное содержание константы и проявляется в жизни и в культурном пространстве конкретного человека.

Идеографическое пространство образа-концепта «любовь» как разновидность семантического пространства не имеет четких границ и пересекается с пространствами других явлений, смежных с любовью – дружбой, симпатией, и противопоставленных – равнодушием, ненавистью, ревностью. Любовь – сложное явление внутренней жизни человека, это ситуация эмоциональных отношений и переживаний, она имеет многокомпонентную структуру [23, с. 8].

Степанов Ю.С. выделяет в структуре концепта три основных слоя:

Первый слой – это актуальный, или «активный». Он позволяет обращаться к концепту, оперировать им на уровне обыденного сознания. Второй слой – «пассивный», или исторический слой концепта, позволяет осмыслить его дополнительные признаки в различные периоды истории. Третий слой – этимологический, раскрывает внутреннюю устойчивую форму, проявляющуюся внешне, в словесной форме.

Таким образом, «концепт» – образование сложное, так как в нем заложены ментальные, информационные, языковые, ситуативные обозначения. Концепт является первоосновой константы, которая выражена в первоначальных постоянных смыслах. Однако константы способны впитывать в себя меняющийся смысл исторических и социальных процессов и никогда не являются завершенными. Далее Ю.С. Степанов определяет «априорные» (допытные) и «апостериорные» (опытные) концепты («чистые» и «эмпирические»). Если исходить из И. Канта, Г.В. Лейбница, «априорные» концепты составляют «...неотъемлемую принадлежность ума» [21, с. 71], а «апостериорные» (опытные) концепты (такие как любовь, надежда, вера, и др.) формируются в течение всей жизни при соприкосновении с внешней средой культуры.

Проблемы универсалий в культуре впервые сформировались в рамках средневековой философии. Универсалии – явления культуры, которые встречаются практически в рамках всех культур. Американский антрополог Джордж Мердок смог сформулировать в рамках общей культуры более 60 универсалий. «Предназначение универсалий культуры – способствовать удовлетворению основных физиологических, психологических и социальных потребностей человека. В системе универсалий закрепляются взгляды на место человека в мире, на его деятельность и духовное состояние. Вместе с тем важно подчеркнуть, что базисные потребности не могут сами по себе определять специфику культурных ценностей и норм. Благодаря универсалиям мы можем постигать культуру, искусство и жизненный мир далеких времен, особенности иных национальных стилей, систем и традиций, осмысливать закономерности современного развития культуры» [24, с. 588]. Философы постмодернизма – Ж. Делёз и Ф. Гваттари считают, что универсалии «ничего не объясняют, они сами подлежат объяснению» [18].

В своем учении о мировоззренческих универсалиях культуры В.С. Степин выявляет особые категории, система которых определяет картину мира человека. Он выделяет два блока таких категорий: к первым относит «объектные категории» (время, пространство, качество, количество и т.д.), определяющие внешнюю деятельность человека; ко вторым (добро, красота, справедливость, долг и т.д.), раскрывающие внутреннюю сущность человека, его социальные отношения. По мнению В.С. Степина, в каждой культуре

существует «строй категориального сознания», для которого характерно как абсолютное и непреходящее, так и относительное и изменчивое [25, с. 269–271].

С целью точного выявления проблемного пространства универсалий культуры определяется сущность культуры. Культура представляет собой систему ценностей, представления о жизни, образцы поведения людей, нормы, регулирующие межличностные отношения, способы и приемы деятельности человека, объективированные в конкретных материальных формах и передаваемые последующим поколениям. Все культуры объединяют общие универсалии культур. Универсалии культур охватывают все типовые, повторяющиеся моменты жизни, проявляющиеся во всех обществах. Универсалии – это всеобъемлющие категории, составляющие широкую духовную платформу для всей культуры.

Очевидно, что константы, концепты и универсалии культуры тесно взаимосвязаны. Социальные константы, будучи мировоззренческими элементами культуры, опираются на вековые, наиболее обобщенные культурные традиции – универсалии и несут в структуре различных культур диаметрально противоположные социокультурные и индивидуальные смыслы (концепты), выполняя при этом в рамках исследования одинаково стабилизирующую функцию социальной жизни. Три феномена «универсалия», «константа», «концепт» О.К. Румянцев объединяет в утверждении, что «константы могут применяться, лишь разуниверсализируясь через их концептуализацию (в этом смысле субъективацию)» [26, с. 6].

Литература

1. Грыжанкова М.Ю. Ценностные ориентации и проблема культурной идентичности // Регионология. 2012. № 4. URL: <http://regionsar.ru/node/1033> (дата обращения: 17.09.2015).
2. Константа // Словарь иностранных слов. М.: Рус. яз., 1989. С. 253.
3. Луков В.А. Понятие «константа культуры» в философско-культурологическом дискурсе // Гуманитарные константы: материалы конф.: сб. науч. тр. / отв. ред. В.А. Луков. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. С. 27–35.
4. Акчурина И.А. Виртуальные миры и человеческое познание // Концепция виртуальных миров и научное познание. СПб.: РХГИ, 2000. 320 с.
5. Константа URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2516/КОНСТАНТА (дата обращения: 02.09.2015).
6. Физиология человека. Принципы организации управления функциями / под ред. В.М. Покровского, Г.Ф. Коротько. URL : <http://www.bibliotekar.ru/447/36.htm> (дата обращения: 02.09.2015).
7. Гайдин Б.Н. Вечные образы как константы культуры (интерпретация «гамлетовского вопроса»): автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2009. 17 с.
8. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии: собр. соч. в 4-х т. М.: Мысль, 1983. Т. 2. С. 47–545.
9. Жильсон Э.А. Философия в средние века: от истоков патристики до конца XIV века: пер. с фр. А.Д. Бакулова. М.: Республика, 2004. 678 с.
10. Соловьев В.С. Оправдание добра / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации. Алгоритм, 2012. 656 с.
11. Зиммель Г. Избранное: в 2-х т. Т. 1. Философия культуры. М.: Юристъ, 1996.
12. Сорокин П. Общие принципы цивилизационной теории и ее критика. Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / сост. Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 47–53.
13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. 603 с.
14. Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. М.: Акад. проспект, 2005. 624 с.
15. Степанов Ю.С. Константы мировой культуры. Алфавит и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М.: Наука, 1993. 158 с.
16. Микешина Л.А. Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. 2-е изд., доп. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. 560 с.

17. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособ. Мн.: ТетраСистемс, 2004. 256 с.
18. Делёз Ж. Что такое философия? URL: <http://www.proza.ru/2011/08/29/803> (дата обращения: 30.10.2012).
19. Концепт // Новейший философский словарь / под ред. А.А. Грицанова: 3-е изд., исправл. Мн.: Книж. Дом, 2003. С. 503.
20. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи. Интеллигенция в России: сб. ст. 1909–1910 гг. / сост. коммент. Н. Казакова. М.: Молод. гвардия, 1991. С. 43–84.
21. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М.: Акад. проект, 2004. 992 с.
22. Севастеенко А.В. Культурно-исторические формы экзистенциального переживания: Тема любви и ее дискурсивные трансформации: дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2002. 172 с.
23. Лобкова Е.В. Образ-концепт «любовь» в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2005. 288 с.
24. Гуревич П.С. Универсалии культуры // Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика, 2001. С. 588–599.
25. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 743 с.
26. Румянцев О.К. От редактора // Постижение культуры. М.: Рос. ин-т культурологии, 2002. Вып. № 11. С. 3–6.